

Цай Миншань, обсудив всё с Цай Чжуюанем, изложил свои планы. Сначала он рассказал о прежнем «себе» — молодом и неопытном, не понимающем жизни, который, к тому же, вступил в период бунтарства и делал всё, что отец запрещал. Из-за этого их отношения стали такими напряжёнными. Затем он добавил, что после потери памяти многое осознал и понял, что оставаться здесь без дела — не выход.

Цай Чжуюань, услышав, что его сын стал таким сознательным, несколько не усомнился и поспешил сказать, что и сам так думал. Однако оба они видели отношение молодого господина Сяна, который явно не позволит им уйти просто так. Тогда Цай Миншань спросил о предпочтениях Сян Чэнсиня, надеясь, что если тот разочаруется в нём, то выгонит их из виллы.

После этого Цай Миншань предложил, раз уж они не могут уйти, не стоит тратить время попусту, и лучше заняться обучением какому-нибудь ремеслу. Ведь, как гласит поговорка, имея мастерство, голодным не останешься. К тому же, это поможет укрепить их отцовско-сыновьи отношения. Так Цай Чжуюань начал учить Цай Миншаня кулинарии.

На самом деле это была личная выгода Цай Миншаня, ведь раньше он не получал образования и был малограмотен. Если когда-нибудь он обретёт свободу, то сможет работать только чернорабочим, как раньше, но его нынешнее тело выглядело на десять-двенадцать лет и было слишком слабым. Физический труд он бы долго не выдержал. К тому же, он заметил, что Цай Чжуюань действительно мастер своего дела, поэтому, используя благовидные предлоги, уговорил его учить его.

Итак, хотя Сян Чэнсинь в последнее время не появлялся на вилле, Цай Миншань не скучал, как раньше, а вместо этого постепенно осваивал кулинарное искусство. Когда есть дело, время летит быстрее. В этот день, поужинав и помывшись, он отправился спать в свою комнату.

Кстати, эта комната была переделана Цай Миншанем. Если бы не зеркала, её было бы не узнать. Поэтому он по-прежнему спокойно спал здесь. Но едва он лёг, как услышал громкий стук в дверь, заставивший его насторожиться и сесть на кровати.

— Ха-ха! — как и ожидалось, за дверью стоял Сян Чэнсинь. Он, опираясь на дверной косяк, смотрел на настороженного Цай Миншаня. — Миншань, разве ты не собираешься встретить меня? Почему вместо этого...

Цай Миншань знал, что сопротивляться бесполезно, и понимал, что Сян Чэнсинь быстро теряет интерес к тем, кто сам к нему льнёт. Однако он не мог заставить себя подойти первым, поэтому, сохраняя полузащитную позу, осторожно сел на кровать.

— Миншань, иди сюда... — Сян Чэнсинь, увидев полуобнажённую ключицу и белоснежные бёдра Цай Миншаня, произнёс с хрипотцой в голосе.

Цай Миншань не хотел подходить, но, встретив взгляд, полный желания, и вспомнив, что Сян Чэнсинь быстро теряет интерес к покорным, собрался с духом и медленно подошёл, стараясь выглядеть услужливым:

— Сян... Сян-шао, я... я подошёл. Что... что... что мне сделать?

Сян Чэнсинь, конечно, заметил его колебания, но, хотя внутри смеялся, внешне не показал этого, лишь поддразнивая:

— Как раз вовремя. Я знал, что Миншань всегда активен. Так что... сними с меня одежду. — С

этими словами он лениво развёл руки и сел на кровать.

— Эм... — Цай Миншань, стиснув зубы, подошёл и протянул руку, чтобы расстегнуть пуговицы на рубашке Сян Чэнсиня, но вдруг тот схватил его за руку. Испугавшись, он тотчас отдернул её. Сян Чэнсинь, казалось, не ожидал такой реакции, но через мгновение усмехнулся. — Забыл сказать. Миншань, расстегни пуговицы и сними одежду... ртом.

Услышав этот приказ, Цай Миншань чуть не вырвался и не закричал: «Ты больной извращенец! Кто будет снимать с тебя одежду ртом?!» Но на деле он лишь в душе поклялся, подавил гнев и, сделав покорное лицо, медленно наклонился.

Цай Миншань, проработав несколько лет чернорабочим, знал, что в этом мире самые грязные и неряшливые люди часто оказываются самыми добрыми и безобидными. А те, кто одевается строго и выглядит как образцовые представители элиты, чаще всего способны на самые подлые поступки, имея тысячи способов сделать твою жизнь невыносимой, не запачкав рук.

Итак, собравшись с духом и настроившись, Цай Миншань остановился в нескольких сантиметрах от Сян Чэнсиня и, подняв голову с улыбкой, сказал:

— Если Сян-шао не против, я попробую.

— Хорошо, — с неопределённой интонацией ответил Сян Чэнсинь.

Цай Миншань снова наклонился, приблизившись к шее Сян Чэнсиня. Рубашка того была застёгнута на все пуговицы, начиная с самой верхней.

— Глоток... — звук, издаваемый горлом Сян Чэнсиня, стал отчётливо слышен в ушах Цай Миншаня. Но у него не было выбора, и он продолжил.

Сян Чэнсинь сохранял свою позу, но слегка приподнял голову, заметив, что Цай Миншань скрыл свои истинные чувства. Скорость его движений, раньше напоминавшая улитку, ускорила, и он начал ждать с нетерпением.

Хотя Цай Миншань заранее подготовился морально, когда он приблизился настолько, что почувствовал запах тела Сян Чэнсиня, его сознание на мгновение помутилось, и он неожиданно взял первую пуговицу в рот, ловко расстегнув её.

Увидев расстёгнутую пуговицу, Цай Миншань задумался. Он слышал, что после пересадки сердца у людей могут измениться вкусы и даже характер. А он ведь полностью сменил тело. Неужели он привык к таким вещам?

Сян Чэнсинь подождал, но, не увидев дальнейших действий, слегка наклонил голову, взял мочку уха Цай Миншаня в рот и начал медленно облизывать и покусывать её, пока выражение лица того не изменилось с сопротивления на принятие, и он не застонал. Только тогда Сян Чэнсинь отпустил его и, прижав губы к лицу Цай Миншаня, прошептал ему в левое ухо:

— Почему остановился? А?

Услышав этот последний звук, Цай Миншань тут же очнулся. Независимо от того, сменил он тело или нет, он оставался маленьким человеком, обречённым на трагедию. Такие, казалось бы, мягкие слова, произнесённые из уст такого извращенца, каким бы приятным ни был их тон, на самом деле причиняли больше боли, чем прямое оскорбление. Поэтому лучше было просто подчиниться.

Медленно приблизившись, Цай Миншань взял в рот вторую пуговицу. Возможно, из-за того, что первая уже была расстёгнута, его губы то и дело касались груди Сян Чэнсиня. Однако, в отличие от первой пуговицы, которую он расстегнул сразу, эта не поддавалась, что вызвало у Цай Миншаня панику.

И, как это часто бывает, чем больше человек паникует, тем больше ошибок совершает. Пуговица осталась нетронутой, зато рубашка Сян Чэнсиня в этом месте стала мокрой. А из-за постоянных попыток расстегнуть её, казалось, что Цай Миншань то и дело целует Сян Чэнсиня.

Сян Чэнсинь, возбуждённый этими поцелуями, прищурился, глядя на потного Цай Миншаня, который всё ещё старался. Затем он поднял правую руку и потянулся к спине Цай Миншаня...

На следующий день Цай Миншань проснулся, когда солнце уже светило в окно, и в комнате он был один. Прикрыв глаза от света, он сел на кровати и мысленно выругался:

«Проклятый извращенец и это проклятое тело! Нужно обязательно найти способ выбраться отсюда, уйти от этого маньяка и вылечить тело!»

<http://bllate.org/book/16454/1492745>